

УДК 82(47)
ББК 83.3(2)

Сергей Акимович Кибальник

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук, Россия,
Санкт-Петербург, e-mail: kibalnik007@mail.ru

Роман Андрея Белого «Петербург» как гибридный гипертекст Достоевского

Аннотация. «Петербург» Андрея Белого ранее анализировался по преимуществу в аспекте его интертекстуальных связей с романом Достоевского «Братья Карамазовы». Предлагается сравнительный анализ главного героя романа А. Белого Николая Аполлоновича Аблоухова и главного героя романа Достоевского «Бесы» Николая Всеволодовича Ставрогина. Показано, что в действительности «ставрогинская генеалогия» Аблоухова-младшего начинается уже с его имени и внешности и продолжается экстравагантными поступками, совершенными или только задуманными им. В контексте интертекстуальных связей рассматриваются также и другие герои романа А Белого: Александр Иванович Дудкин – как своего рода гибрид Ивана Карамазова со Ставрогиным, а Николай Степанович Липпанченко – как реинкарнация Петра Степановича Верховенского или его гибрид с Николаем Ставрогиным. Делается вывод, что в целом роман Белого представляет собой гибридный гипертекст Достоевского, в котором роль главного гипотекста принадлежит «Бесам», а роль второстепенного – «Братьям Карамазовым». Таким образом, гипертекстуальность романа Белого по отношению к произведениям Достоевского представляет собой конструктивную его особенность, вне которой он не может быть адекватно воспринят и интерпретирован.

Ключевые слова: Андрей Белый и Достоевский, герои романов Достоевского «Бесы» и «Братья Карамазовы» в контексте интертекстуальных связей, роман А. Белого «Петербург» как гибридный гипертекст Достоевского.

Sergey Akimovich Kibalnik

Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences, Russia, St. Petersburg,
e-mail: kibalnik007@mail.ru

Andrey Bely's Novel "Petersburg" as Dostoevsky's Hybrid Hypertext

Abstract. Andrei Bely's "Petersburg" has been analyzed primarily with respect to its intertextual connections with Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov". This essay offers a comparative analysis of Nikolai Apollonovich Ableukhov, the main character in A. Bely's novel, and Nikolai Vsevolodovich Stavrogin, the main character of Dostoevsky's novel "Demons". We see that, in reality, the "Stavrogin genealogy" of the younger Ableukhov begins already with his name and appearance and continues with extravagant acts committed or only conceived by him. In the context of intertextual connections, other character in Bely's novel are also considered: Alexander Ivanovich Dudkin – as a kind of hybrid of Ivan Karamazov with Stavrogin, and Nikolai Stepanovich Lippanchenko – as the reincarnation of Pyotr Stepanovich Verkhovensky or his hybrid with Nikolai Stavrogin. We conclude that, on the whole, Bely's

novel is a hybrid hypertext of Dostoevsky's, in which "Demons" serves in the role of the main hypotext, and "The Brothers Karamazov" plays the role of a secondary hypotext. Thus, the hypertextuality of Bely's novel in relation to Dostoevsky's works is its constructive feature, outside of which it cannot be adequately perceived and interpreted.

Key words: Andrey Bely and Dostoevsky, characters of Dostoevsky's novels "Demons" and "Brothers Karamazov" in the context of intertextual connections, A. Bely's novel "Petersburg" as a hybrid hypertext of Dostoevsky

DOI: 10.17588/2076-9210.2021.4.147-162

Как известно, роман Андрея Белого «Петербург» (1912–1914 гг.) был написан уже после завершения периода его «беззаветного увлечения революционными событиями 1905 года» и, соответственно, периода «неприятия» им Достоевского. Более того, сложился он, по характеристике А.В. Лаврова, «под зримым воздействием образного строя его романов», а творческий опыт этого писателя «явился одним из важнейших исходных моментов для возобновленного Белым разговора о судьбах России в новой исторической и духовной ситуации»¹.

Тем более важно попытаться разобраться в том, как этот внутренний диалог Белого с Достоевским преломился в художественном строе самого известного романа видного писателя-символиста.

1

«Петербург» Андрея Белого, как правило, рассматривается в первую очередь в аспекте его интертекстуальных связей с романом Достоевского «Братья Карамазовы». Это вполне естественно: в основе его сюжета – сознательное намерение Николая Аблеухова совершить террористический акт в отношении его отца, «сенатора» Аполлона Аполлоновича. Хотя оно в конце концов так и не осуществляется, связи между героями Белого и Достоевского не становятся более слабыми: ведь и в «Братьях Карамазовых» Дмитрий оказывается только обвинен в убийстве своего отца, а в действительности он его не совершал.

Более того, поскольку желание убить Федора Павловича все же не раз овладевало Дмитрием, то сходство представляется еще более значительным. «"Хотел, но не убил" – этот комплекс Мити Карамазова преследует главного героя "Петербурга". – констатирует И.В. Пантелей. – <...> Замысел, желание смерти отца – уже отцеубийство» [2, с. 159].

Р.В. Иванов-Разумник отметил, что ночной разговор Дудкина с оборотнем Шишнарфэ – своеобразный вариант той беседы, которую Иван Карамазов

¹ См.: Лавров А.В. Достоевский в творческом сознании Андрея Белого (1900-е годы) // Андрей Белый: Проблемы творчества. Статьи. Воспоминания. Публикации. М.: Сов. писатель, 1988. С. 144, 148 [1].

ведет со своим двойником-«чертом»². «Конечно, Дудкин – совсем не Иван Карамазов, да и черт Достоевского не так уж близок к оборотню А. Белого, но принципиальное построение сцены одно и то же». – уточнял эту параллель Л.К. Долгополов³.

Среди «достоевских сцен» «Петербурга» вслед за Ивановым-Разумником Долгополов выделял также эпизоды, связанные, по его мнению, с «Преступлением и наказанием»: «Сенаторский сын Николай Аполлонович вполне может быть сопоставлен с Раскольниковым, разговор же его ночью в кабачке с сыщиком Морковиным вызывает в памяти соответствующий разговор Раскольникова со следователем Порфирием Петровичем (как на это и указал Иванов-Разумник)» [4, с. 248].

Справедливости ради следует отметить, что отдельные фрагменты этого разговора содержат интертекстуальные связи не с «Преступлением и наказанием», а с «Братьями Карамазовыми». Ярким примером этого может послужить следующий отрывок из романа А. Белого: «“ Я, Николай Аполлонович, *прихожусь* ведь, вам братом...”. – “Как братом?” <...> – “*Разумеется, незаконным, ибо я, как-никак, плод несчастной любви родителя вашего...*”⁴ с домовою белошвейкою...” <...> “Вы хотите сказать, что родитель мой...” – “Наш о б щ и й⁵ родитель”» [5, с. 209]⁶.

Конечно, Морковин здесь только рядится в одежды Смердякова, а в действительности внебрачным сыном Аполлона Аполлоновича он, как сам скоро признается Николаю Аблеухову, вовсе не является. Тем не менее сам по себе этот разговор начинает походить на беседу не столько Порфирия Петровича с Раскольниковым, сколько Смердякова с Иваном Карамазовым.

Между тем прежде всего *Николай* Аполлонович Аблеухов, без сомнения, внутренне сопоставлен с главным героем «Бесов» *Николаем* Всеволодовичем Ставрогиным. В первую очередь их сближает склонность к экстравагантным поступкам: «...именно их безобразия оказываются в центре обсуждения, переживания, порицания, обвинения остальных персонажей. Нетрадиционность, ненормированность, непонятность их скандальных действий – вот чем вооружили Ставрогин и Аблеухов против себя, вот что выдвинуло их из общей безобразящей массы» [2, с. 156].

При этом перечень «безобразий», совершенных обоими героями, под пером И.В. Пантелей выглядит так: «Вспомним знаменитую триаду дерзостей Николая Всеволодовича, нарушившую патриархальность быта и “губернского этикета”. В ответ на постоянный “афоризм” Гаганова (“Нет-с, меня не проведут за

² См.: Иванов-Разумник Р.В. Вершины. Александр Блок. Андрей Белый. Пг.: Колос, 1923. С. 156 [3].

³ См.: Долгополов Л. Андрей Белый и его роман «Петербург». Л.: Сов. писатель. Ленингр. отделение, 1988. С. 248 [4].

⁴ Здесь и далее курсив наш. – С.К.

⁵ А. Белый в своем романе «Петербург» использовал именно разрядку, этим и обусловлено использование разрядки при цитировании текстов А. Белого в литературоведческих исследованиях.

⁶ Далее ссылки в тексте на этот источник даются в круглых скобках с указанием только страниц.

нос”) “он вдруг подошел к Павлу Павловичу, неожиданно, но крепко ухватил его за нос двумя пальцами и успел протянуть за собою по зале два-три шага”. Далее вся логика событий требует, чтобы Николай Всеволодович поцеловал “раза три сряду, в полную сласть” жену Липутина, как только оценил, “какая она хорошенькая, когда смеется”, или “вдруг прихватил” зубами ухо Ивана Осиповича, стремясь объяснить доходчивее по поводу предыдущих дерзостей. Что касается романа А. Белого, то центральным безобразием как крайне неуместным поступком становится явление Аблеухова на Троицком мосту в красном “домино шутовском” перед Софьей Петровной Лихутиной» [2, с.156–157].

В этом перечне, впрочем, осталось неучтенным самое главное «безобразие» Аблеухова-младшего, пусть оно и осталось до конца неосуществленным: его намерение убить собственного отца. Тем более что ни в деяниях, ни в намерениях Ставрогина ничего сколько-нибудь сопоставимого с этим не значится.

Даже Липпанченко усматривал в таком предложении партии со стороны Аблеухова-младшего «необычность намеренья, неестественность в выборе жертвы и оттенок цинизма, граничащий с гнусностью» (с. 250). Так что в этом отношении Николай Аблеухов действительно пошел даже дальше Николая Ставрогина, в образе которого неслучайно с давних пор видели предвосхищение типа декадента⁷.

Правда, Аблеухов-младший все же отказывается от этого своего намерения и отрешивается от данного партии обещания. Не забудем, однако, что ему так легко удалось это сделать не в последнюю очередь благодаря убийству Дудкиным Липпанченко. В противном случае, как знать, быть может, стремление Липпанченко «казнить» Аблеухова-младшего «данным ему поручением» (с. 282) увенчалось бы успехом? Недаром, хотя «сенатор» и остался жив, взрыв в его кабинете все же случился, пусть даже сам Николай Аблеухов в последний момент пытался его предотвратить.

2

В действительности «ставрогинская генеалогия» Николая Аблеухова гораздо отчетливее. Причем начинается она уже с его имени и внешности.

Так, прежде всего Аблеухова-младшего со Ставрогиным сближает его красота: «– “Красавец”, – постоянно слышалось вокруг Николая Аполлоновича...

– “Античная маска...”

– “Аполлон Бельведерский”.

– “Красавец...”

Встречные дамы по всей вероятности так говорили друг другу» (с. 47).

Здесь едва ли не пересказан своими словами следующий фрагмент «Бесов», в котором речь идет о впечатлении, произведенном Ставрогиным на об-

⁷ См.: Вольнский А. Достоевский. СПб.: Академический проект, Изд-во ДНК, 2007. С. 360 [8]. Перу Белого принадлежит рецензия на книгу Акима Вольнского, в которой, кажется, впервые высказан такой взгляд на Ставрогина; рецензия появилась в журнале «Золотое руно» (1906, № 2).

щество губернского города при первом его появлении: «Это был *очень красивый молодой человек... <...> Все наши дамы были без ума от нового гостя*» [6, т. 10, с. 37].

В обоих романах, впрочем, сразу же указано и на противоречивость внешнего облика этих героев. При этом Белый наряду с «красотой», сразу подчеркивает внутреннее «безобразие» Аблеухова-младшего: «Но если бы Николай Аполлонович с дамами пожелал вступить в разговор, про себя сказали бы дамы: «– “Уродище...”» (с. 47).

Достоевский к той же самой мысли подводит издалека: «Поразило меня тоже его лицо: волосы его были что-то уж очень черны, светлые глаза его что-то уж очень спокойны и ясны, цвет лица что-то уж очень нежен и бел, румянец что-то уж слишком ярк и чист, зубы как жемчужины, губы как коралловые, – *казалось бы, писанный красавец, а в то же время как будто и отвратителен*» [6, т. 10, с. 37].

Впрочем, следующее в одном из разделов второй главы, озаглавленном «Стройный шафер красавец», описание внешности Аблеухова-младшего – при том что сами детали его не совпадают с деталями внешности Ставрогина – воспроизводит, только не напрямую, тот же принцип чрезмерности каждого элемента внешности этого героя: «Софью Петровну Лихутину мучительно поразили стройный шафер, красавец, цвет его неземных, темно-синих, *огромных глаз, белизнь мраморного лица и божественность волос белокожих*» (с. 64–65).

Как повествователь «Бесов» сразу же отмечает неестественность выражения лица Ставрогина: «Говорили, что *лицо его напоминает маску...*»⁸ – так не отстает от него в этом отношении и повествователь «Петербурга». Разве что последний вводит этот мотив через игру слов и приписывает аналогичное восприятие лица Аблеухова-младшего конкретной героине: «Скоро Софья Петровна заметила под маскою ежедневных заходов, что *лицо Николая Аполлоновича, богоподобное, строгое, превратилось в маску*: ужимочки, бесцельные потирания иногда потных рук, наконец, неприятное лягушачье выражение улыбки, проистекавшее от несходившей с лица игры всевозможнейших типов, заслонили навек то лицо от нее» (с. 65).

Сопоставление с «маской» лица Николая Аблеухова проходит затем красной нитью через весь роман: «руку она уже протянула к звонку, и – тогда то увидела: какое-то очертание, кажется, *маска*, поднялось перед ней со ступени. <...> У нее ж за спиною, из мрака, восстал шелестящий, темно-багровый паяц с бородатою, трясущейся *масочкой*»; «...напоминая трагическую, античную *маску...*» (с. 54–55, 253).

Про Ставрогина же лишь вначале «говорили, что *лицо его напоминает маску...*», а спустя четыре года после первой встречи с ним повествователь об-

⁸ См.: Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 10. С. 37 [6].

наруживает в его внешности отчетливые изменения к лучшему: «прежде хоть и считали его красавцем, но *лицо его действительно “походило на маску”, как выражались некоторые из злоязычных дам нашего общества*. Теперь же, – теперь же, не знаю почему, он с первого же взгляда показался мне решительным, неоспоримым красавцем, так что уже *никак нельзя было сказать, что лицо его походит на маску*» [6, т.10, с. 37, 145].

Впрочем, с одной стороны, аналогичная динамика местами встречается и в «Петербургe». Например, при встречах Николая Аполлоновича с отцом «... от *греческой маски* не оставалось и следа...» (с. 117). А с другой, сходство Ставрогина с «*бездушной восковой фигурой*»⁹ подмечается в «Бесах» и после процитированной выше сцены новой встречи с ним повествователя.

Схожесть лица Аблеухова с маской кое-где в «Петербургe» также передается через подобные метафоры: «Александр Иванович недоумевающе отлетел и взглянул на Николая Аполлоновича, и, взглянув на него, увидел всего лишь... парикмахерскую куклу: бледного, *воскового красавца* с неприятной, робкой улыбкою на растянутых до ушей устах»; «<...>Вдруг под этою глубокой и зеленоватой синью на багровом фоне зари показался отчетливый силуэт: в ветре крыльями билась серая николаевка; и небрежно откинулось *восковое лицо*, оттопыривши губы...»; «...выглядел он попрыгунчиком *с застывшим лицом*» (с. 93, 115, 253).

Однако и совершенно противоположная характеристика восприятия окружающими внешности и личности Николая Аблеухова – его «богоподобность», впоследствии не раз подчеркнутая у Белого: «С чрезвычайным достоинством распрявился он у дверей; в этот миг лицо его приняло именно то далекое, ею однажды пойманное выражение, вспоминая которое, незаметно она его полюбила; и когда ушел Николай Аполлонович, она грохнулась на пол, и царапая, и кусая в плаче ковер; вдруг вскочила она и простерла в дверь руки: – “Приходи, вернись – *бог!*”» (с. 67) – также идет от Ставрогина.

Ведь как высшее существо, своего рода божество («Принца Гарри», «Ивана Царевича» и т. п.), его воспринимают едва ли не все другие герои «Бесов», вплоть до Петра Верховенского: «*Вы мой идол! <...> Вы предводитель, вы солнце, а я ваш червяк...*»¹⁰.

Касаясь «безобразий», совершенных обоими героями, которые в первую очередь, по мнению И.В. Пантелей, сближают Аблеухова-младшего и Ставрогина, стоит также оговориться, что из-за них внутренний облик обоих героев становится только более неоднозначным и загадочным. Недаром оба они – Ставрогин, конечно, в большей степени¹¹ – вызывают всеобщее обожание со

⁹ См.: Достоевский Ф.М. Бесы. Т. 10. С. 182.

¹⁰ Там же. С. 324.

¹¹ Не только степень восхищения окружающих Ставрогиным, но и мера разочарования в нем в «Бесах» не идет в сравнение с восприятием Аблеухова-младшего в «Петербургe». Так, в «Бесах» не найдешь слов, относящихся к Ставрогину, вроде следующих строк из «Петербурга»: «... бог

стороны окружающих, и не только отвращение и недоумение, но и некоторую симпатию или хотя бы неослабевающий до самого конца интерес со стороны читателя.

Многие личные отношения Аблеухова-младшего также напоминают отношения Ставрогина – соответственно, Белый воспроизводит целый ряд сюжетных линий «Бесов». Так, Софья Петровна Лихутина и Варвара Евграфовна влюблены в Аблеухова-младшего, как Лизавета Николаевна Тушина и Дарья Павловна Шатова – в Ставрогина.

Жертвенная и страдательная роль Сергея Сергеевича Лихутина, хоть в романе Белого он и законный супруг Софьи Петровны, напоминает роль Маврикия Николаевича при Лизе. Тем более что в обоих случаях дело завершается если не дуэлью, то решительным объяснением – соответственно, Лихутина с Аблеуховым и Маврикия Николаевича со Ставрогиным.

Правда, такое объяснение Лихутина с Аблеуховым, как скоро выясняется, связано не столько с преследованиями последним Софьи Петровны, сколько с его намерением убить своего отца. Однако это уже проявление присущей Белому игровой манеры, по-видимому призванной несколько сгладить впечатление вторичности «Петербурга» по сравнению с «Бесами».

То же самое можно сказать и о ролях Аблеухова и Ставрогина в «партии» или тайном «обществе». Как и Аблеухов, Ставрогин не является его членом, а «если и помогал случайно, то только так, как праздный человек»,¹² – слова, которые вполне могли бы быть вложены и в уста героя Белого.

При этом как Петр Верховенский не намерен отпустить Ставрогина, который сообщает Шатову: «...Они теперь одумались и решили про себя, что и меня отпустить опасно, и, кажется, я тоже приговорен»¹³, так и Липпанченко не собирается освободить Аблеухова-младшего от данного им обещания (с. 246, 282). Так что отношения Липпанченко с Аблеуховым-младшим отдаленно напоминают странный, пусть и временный союз Ставрогина с Петром Верховенским.

То же самое можно сказать об отношениях Дудкина с «безработным Федькой», сидящим то «в дворницкой», то у него в квартире¹⁴, и о сюжетной линии «Бесов» *Петр Верховенский – Федька Катержный*. Впрочем, все подобные отношения у Белого только намечены в соответствии с Достоевским (отсюда, по-видимому, и заимствование имен героев), а затем как будто бы брошены на полуслове.

Обращает на себя внимание и сходство других деталей обоих романов. Так, процитированная выше выходка Ставрогина с «носом» Гаганова-старшего, судя по всему, косвенно отозвалась в «Петербурге» в «Дневнике

весть почему, Аполлон Аполлонович пришел к заключению, что собственный его сын, *Николай Аполлонович*, – *отъявленный негодяй*» [5, с. 51].

¹² См.: Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 193.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Белый А. Петербург. Роман в восьми главах с прологом и эпилогом. 2-е изд., испр. и доп. / подгот. Л.К. Долгополов. СПб.: Наука, 2004. С. 286.

происшествий», открывающем вторую главу: «Т р е т ь е о к т я б р я. На спиритическом сеансе, состоявшемся в квартире уважаемой баронессы R.R., дружно собравшиеся спириты составили спиритическую цепь: но едва составили они цепь, как среди цепи обнаружилось домино и *коснулось в пляске складками мантии кончика носа титулярного советника С.* Врач Г-усской больницы *констатировал на носу титулярного советника С. сильнейший ожог: кончик носа, по слухам, покроют лиловые пятна»* (с. 57–58).

Помимо того, что Аблеухов и Ставрогин тезки, в «Петербурге» есть аллюзия на их родственность. Так, в «Эпилоге» романа среди «портретов», висящих в деревенском кабинете Аполлона Аполлоновича, упоминается «старушка в наkolке – покойная матушка, урожденная *Сваргина*» (с. 418). В свете множества других факторов, указывающих на внутреннюю связь Николая Аполлоновича с Николаем Всеволодовичем, в этой детали можно видеть сокращенную анаграмму к фамилии матери Ставрогина и, соответственно, криптографический шифр к образу Аблеухова-младшего.

Характер трансформации гипотекста в гипертексте обычно ярче всего проявляется в его финале. Говоря об этом, И.В. Пантелей обращает внимание на то, что Белый «оказался “добрее” к своему герою, чем Достоевский к своему»: «Пусть искусственно, но он спас от физической смерти сенатора Аблеухова и тем самым позволил Аблеухову-младшему начать жизнь сызнова» [2, с. 159].

Исследовательница не без основания усматривает в этом разные способы выражения одной и той же художественной идеи: «И в смерти Ставрогина, и в земном воскресении Аблеухова – ... необходимость утверждения должного образа, образа Божьего в душе каждого» [2, с. 160]¹⁵.

3

Впрочем, с героями «Бесов» в романе Белого соотнесен не только Аблеухов-младший, но и его своеобразный двойник – Александр Иванович Дудкин. В его речи бросаются в глаза своеобразные отсылки к определенному типу героя произведений Достоевского. Так, слова Дудкина: «– "Да, да, да: появились еще особые любовные чувства: знаете, ни в кого из женщин я не был влюблен: *был влюблен – как бы это сказать: в отдельные части женского тела, в туалетные принадлежности, в чулки, например"*» (с. 92), – местами почти дословно воспроизводят рассуждения некоторых героев Достоевского.

¹⁵ Л. Силард отмечает также преемственность повествовательной манеры Андрея Белого в «Петербурге» по отношению к «Бесам» Достоевского: «Настойчиво (если судить по множеству подготовительных записей соответствующего рода) – настойчиво выбирая средний путь между лесковским рассказом, где рассказчик, как правило, существует в одном измерении с героями, и авторитетной нарративной “других романистов” (под которыми Достоевский чаще всего, видимо, имел в виду Тургенева, а то и Л. Толстого), Достоевский подготавливал тот принцип смены повествовательских масок, который войдет в русскую прозу в начале XX века под знаком символизма, и прежде всего Андрея Белого» [7, с. 72].

Например, в кривом зеркале Ракитину именно так увиделось «сладострастие» всех Карамазовых: «Тут влюбится человек в какую-нибудь красоту, в тело женское, или даже только в часть одну тела женского (это сладострастник может понять), то и отдаст за нее собственных детей, продаст отца и мать, Россию и отечество...» [6, т. 14, с. 74].

Обращают на себя внимание также и некоторые детали внешности Дудкина, например, его глаза, увиденные Аbbleуховым-старшим: «созерцая текущие силуэты (фуражки, фуражки, перья), Аполлон Аполлонович из фуражек, из перьев, из котелков увидел с угла *пару бешеных глаз*: глаза выражали одно недопустимое свойство; глаза узнали сенатора; и, узнавши, сбесились; может быть, глаза поджидали с угла; и, увидев, *расширились, засветились, блеснули*» – в дальнейшем определяются еще и так: «... у незнакомца были те самые черные усики и те самые поразительные глаза (вы б такие точно глаза встретили ночью в московской часовне Великомученика Пантелеймона, что у Никольских ворот: – часовня прославлена исцелением бесноватых; *вы такие бы точно глаза встретили б на портрете, приложенном к биографии великого человека; и далее: в невропатической клинике и даже психиатрической*)». Раздел этот в романе Белого даже и озаглавлен по этой яркой детали: «И, УВИДЕВ, РАСШИРИЛИСЬ, ЗАСВЕТИЛИСЬ, БЛЕСНУЛИ...» (с. 25, 34, 24).

Между тем все эти описания несколько напоминают изображение взгляда Рогожина, который то и дело ощущает на себе Мышкин в толпе незадолго до покушения первым на последнего: «Его никто не встретил в воксале; но при выходе из вагона князю вдруг померещился *странный, горячий взгляд чьих-то двух глаз*, в толпе, осадившей прибывших с поездом», «Да, это были те самые глаза (и в том, что те самые, нет уже никакого сомнения!), которые *сверкнули на него утром*»¹⁶.

При этом точно так же, как Мышкину, после первого раза подумалось: «Конечно, *только померещилось*»¹⁷ – Аполлон Аполлонович, встретив потом Дудкина в своем доме, успокаивает себя: «а г л а з а, быть может, – *померещились только...*» (с. 10, 94).

Так что в этом отношении Дудкин вписывается в череду «одержимых» героев Достоевского, ярким представителем которых является Рогожин.

У Достоевского Верховенский-младший признается: «Я ведь мошенник, а не социалист»¹⁸. У Белого Аbbleухов-младший предьявляет аналогичное обвинение Дудкину и его компании: «"В принципе я соглашался, или, верней, предлагал, и... пожалуй... я дал обещание, предполагая, что принуждения никакого не может тут быть, как и нет принуждения в партии; а если тут у вас принуждение, то – *вы просто-напросто шаечка подозрительных интриганов...*"» (с. 249).

¹⁶ См.: Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 7. С. 158, 193.

¹⁷ Там же. Т. 8. С. 158.

¹⁸ Там же. Т. 10. С. 324.

Однако сам Дудкин к этому принуждению никак не причастен, так что обвинение Аبلеухова-младшего остается справедливым только применительно к Липпанченко, который и в самом деле весьма напоминает Петра Верховенского.

Тем не менее в манипуляции широкими массами Дудкин Аبلеухову-младшему признается сам: «... только не думайте, чтобы я действовал во имя социальных утопий, ... для нас, нищиеанцев, агитационно настроенная и волнуемая социальными инстинктами *масса* (как сказали бы вы) *превращается в исполнительный аппарат* (тоже ваше инженерное выражение), где люди (даже такие, как вы) – *клавиатура*, на которой пальцы пьяниста (заметьте: это выражение мое) летают свободно...» (с. 85).

Более того, по его словам, все революционное движение существует «во имя болезни», которой «больны – почти все»: «почти все идейные сотрудники партии – и они больны тою же болезнью». Такой больной сотрудник, по Дудкину, «способен не только в трудное время не выполнить обещания (Николай Аполлонович вздрогнул); он способен просто-напросто и украсть, и предать, и *изнасиловать девочку*» (с. 91). Последнее замечание Дудкина уравнивает всякого члена его партии со Ставрогиным в эпизодах растрепания Матрешы (глава «У Тихона»).

Далее Дудкин объявляет, что присутствие такого сотрудника в партии – «провокация, провокация, ужасная провокация» и что в этом смысле провокатор и он сам, причем все его провокаторство «во имя одной великой, куда-то тайно влекущей идеи...», которую он определяет как «*общая жажда смерти*» (с. 91). Так, в романе Белого уже не только попутчик движения Аبلеухов-младший, но и один из его лидеров Дудкин оказываются заражены ставрогинским подсознательным стремлением к саморазрушению.

В определенной степени аналогично отношению Ставрогина к Верховенскому-младшему обращению Дудкина с Липпанченко: «Он о с о б о й *гнушался*; он к ней *чувствовал физиологическое отвращение*; более того: Александр Иванович Дудкин убегал от о с о б ы все эти последние дни, переживая мучительный кризис разuverенья во всем» (с. 275).

В свою очередь реакция Липпанченко на такое обращение с ним Дудкина: «Но о с о б а его настигала повсюду; часто он бросал ей насмешливо слишком уже откровенные вызовы; вызовы эти принимала о с о б а стоически – с циническим смехом, если бы он о с о б у спросил, почему этот смех, то о с о б а ответила б:

“Это по вашему адресу”.

Но он знал, что о с о б а хохочет над общим их делом» (с. 275), – напоминает весьма бесцеремонное обращение со Ставрогиным, которое время от времени позволяет себе Петр Верховенский.

Разве что Липпанченко не столь откровенен: он так и не делает никому ничего подобного признанию Петра Верховенского Ставрогину в том, что он «мошенник, а не социалист»¹⁹.

¹⁹ См.: Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 10. С. 324.

У Николая Степановича Липпанченко, возможно, неслучайно общее имя со Ставрогиным, а отчество – с Петром Верховенским. Со Ставрогиным, как известно, составлявшим «устав» общества²⁰, его сближает участие в «выработке программы» партии (с. 275), а также некоторые другие детали, о которых речь еще пойдет далее. С Петром Верховенским у Липпанченко сходная сюжетная роль главного «террориста» и в то же время «предателя», то обхаживающего Аблеухова-младшего и Дудкина, а то и угрожающего им.

Так, постоянному обхаживанию Петром Верховенским Ставрогина отчасти соответствует обращение Липпанченко с Дудкиным: «Доселе в отношении к Александру Ивановичу поведение не к о й о с о б ы искони носило *характер лишь одних сплошных обязательств, и обязательств навязчивых*; многомесячно, многократно, многообразно разводила особа свой *орнамент их лести* вокруг Александра Ивановича» (с. 275).

Как Петр Верховенский Ставрогину²¹, Липпанченко угрожает Дудкину, пытающемуся вначале отстоять право Аблеухова-младшего отказаться от убийства своего отца: «"Александр Иванович, родной мой, вы затеяли что-то неладное..." – "Я?" – "Отступите: не поздно..."», «не усугубляйте же на себя подозрений» (с. 281, 282).

При этом «совершающийся» между ними «торг», который сам Дудкин истолковывает следующим образом: «мне предлагается поверить отвратительной клевете, или, точнее, не веря, с клеветой эту согласиться ценой снятия клеветы с меня самого...» (с. 283), – напоминает торг между Петром Верховенским и Ставрогиным за Шатова, который Ставрогин, в отличие от Дудкина, отмечает с самого начала: «Я вам Шатова не уступлю»²².

Развязный и насмешливый тон Липпанченко с Дудкиным напоминает манеру говорить со всеми Петра Верховенского: «Должно быть, у Александра Ивановича в ту минуту был крайне идиотический вид, потому что *особа продолжала все хохотать и дразнила черным оскалом широко раскрытого рта*: тем же самым оскалом из мясной глядит на нас кровавая звериная туша с ободранной кожей» (с. 282); «вспомнилась жировая и гадкая шея Липпанченки с жировой гадкой складкой; будто *шея нахально смеялась* там, пока не повернулся Липпанченко...» (с. 304).

Липпанченко ведет разгульный образ жизни, который выдает за вынужденный, призванный скрыть его революционную деятельность. Во всяком случае он вполне преуспевает в этом в глазах Зои Захаровны: «"Ну, если там и выпьет, нагрубиянит; и – ну, там – увлечения... Так ведь: лучшие же спивались,

²⁰ См.: Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 10. С. 298.

²¹ Там же. С. 408.

²² Там же. С. 320. Впрочем, в отличие от Дудкина, в дальнейшем Ставрогин не делает больше ничего для того, чтобы предотвратить готовящееся убийство Шатова.

развратничали... И по личной охоте. Колечка же делает это для отвода глаз – как Л и п п а н ч е н к о: для безопасности гласности, пред полицией, для общего дела он так губит себя» (с. 273). Если ни в чем подобном Петра Верховенского обвинить нельзя, то зато он, по словам Ставрогина, «джетльменничает» и даже собирается учиться ездить верхом «у берейтора»²³.

При этом ни один из героев Достоевского не награждает, хотя и мог бы наградить, Верховенского-младшего такими эпитетами, которые вызывают в сознании Дудкина Липпанченко: «И по мере того, как он углублялся в Липпанченко, в созерцание частей тела, замашек, повадок, перед ним вырастал *не человек, а – тарантул*» (с. 305). Впрочем, параллель к этому можно видеть в диалоге Кириллова с Петром Верховенским, в котором последний сам предлагает первому: «Лучше всего считать теперь себя за Колумба, а на меня *смотреть как на мышшь...*»²⁴.

Как Петр Верховенский за глаза убеждал Ставрогина и свою «пятерку» в том, что Шатов донесет на них, так и Липпанченко возводит Дудкину клевету на Аблеухова-младшего о его причастности к «провалу Т. Т.» (с. 282, 284). Как известно, в «Бесах» это в конце концов приводит к убийству Шатова.

В «Петербурге» ничего подобного не происходит. Напротив, Дудкин убивает Липпанченко. При этом в ночных беседах Дудкина с Шишнарфэ, в которых он соотнесен с Иваном Карамазовым,²⁵ возможно, неслучайно звучит фамилия «Иванов»: «Наши пространства не ваши: все течет там в обратном порядке... И просто *Иванов* там – японец какой-то, ибо фамилия эта, прочитанная в обратном порядке – японская: *Вонави*» (с. 299).

Вспомним, что именно студент Петровской сельскохозяйственной академии Иванов, убитый «Народной расправой» во главе с С.Г. Нечаевым, послужил прототипом Шатова.²⁶ И что если одним из главных прототипов Верховенского-младшего был Нечаев, то одним из основных прототипов Липпанченко, по собственному – впрочем, позднему – свидетельству Белого, был Азеф²⁷.

Липпанченко, кстати, воспринимается Дудкиным как «еще более предатель» (с. 303), чем он сам. Аналогичные подозрения вызывает в «Бесах» и Петр Верховенский. Неслучайно Ставрогин спрашивает его: «Вы не из высшей полиции?» [6, т. 10, с. 300].

²³ См.: Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 10. С. 181.

²⁴ Там же. С. 465.

²⁵ Родство Александра *Ивановича* Дудкина с *Иваном* Карамазовым сказывается, быть может, также и в соотнесенности отчества героя Белого с именем героя Достоевского.

²⁶ Белому была хорошо известна эта история: в 1908 году он вместе с социал-демократом Н. Валентиновым, вооружившись текстом «Бесов», даже ездил в Петровско-Разумовское, где был убит Иванов. Там он «разыграл перед Валентиновым своего рода импровизированный спектакль, оправдывая преступление Петра Верховенского и его приспешников, а также и их прототипа Нечаева» (см.: Лавров А.В. Достоевский в творческом сознании Андрея Белого (1900-е годы) // Андрей Белый: Проблемы творчества. Статьи. Воспоминания. Публикации. С. 146).

²⁷ См.: Белый А. Между двух революций. М.: Худож. лит., 1990. С. 436 [9].

Впрочем, как уже отмечалось выше, в «Петербурге» Липпанченко приданы отдельные черты не только Верховенского-младшего, но и Ставрогина. Вероятно, этим и объясняется следующая ремарка к внутреннему монологу Дудкина: «(Липпанченко над душою его имел неизъяснимую власть)» (с. 303).

5

В романе Белого немало и разрозненных деталей, представляющих собой как бы отклик на другие произведения Достоевского. Например, упоминание Аблеуховым-младшим в разговоре с отцом светской игры: «– ”Потом, знаешь ли, мы играли в *petit-jeu*”» (с. 224) – напоминает известную сцену в квартире Настасьи Филипповны, в которой гости играют в ту же самую игру, предложенную Фердыщенко: « – Я знаю одно великолепнейшее и новое *petit-jeu*» [6, т. 8, с. 120].

Отдельные фразы в романе Белого отсылают даже не к какому-то конкретному из произведений Достоевского, а к его сквозным художественным идеям. Так, замечание повествователя «Петербурга»: «...Николай Аполлонович Аблеухов был человек бессознательный (*не Николай Аполлонович номер первый, а Николай Аполлонович номер второй*)» (с. 234) – воспроизводит сквозной в творчестве Достоевского мотив «двойничества».

Фраза о Лихутиной: «Словом, Софья Петровна запуталась: *ненавидя, любила; любя, ненавидела*» (с. 65) – лапидарно воспроизводит представление о любви, которое постоянно встречается не только у Достоевского, но и у Тургенева, а восходит, как известно, еще к Г.-В.Катулли.

Все эти моменты, с одной стороны, показывают, что гипертекстуальность Достоевского в «Петербурге» Белого носит еще более гибридный, уже как бы размытый характер, а с другой – вполне вписываются в ее общий как бы пред-концептуалистский характер. Ведь чужие литературные образы населяют этот роман целиком – с той только разницей, что некоторые из них прямо так (или почти так) и названы (например, «Медный всадник», «Всадник», «Медный Гость»), а другие – скрыты под иными, хотя и перекликающимися именами.

Уместно вспомнить в связи с этим высказывание Ф.К. Сологуба о том, что «если могут быть романы и драмы из жизни исторических деятелей, то могут быть романы и драмы о Раскольникове, о Евгении Онегине и о всех этих, которые так близки к нам, что мы порою можем рассказать о них такие подробности, которых не имел в виду их создатель» [10, с. 358].

О романе Белого «Петербург» также можно сказать, что в нем действуют – если не чистые, то гибридные – герои Достоевского. Так, Аблеухов-младший в этом плане может рассматриваться как гибрид Ставрогина с Дмитрием Карамазовым, Дудкин – как гибрид Ивана Карамазова со Ставригиным, наконец, Липпанченко – как гибрид Петра Верховенского со Ставригиным. Как видим, во всех трех главных героях Белого в той или иной степени отразился Ставругин. Объясняется это, по всей видимости, необыкновенной заразительностью этого

образа, которую испытали на себе и в которой признавались многие русские писатели и мыслители²⁸.

При этом «достоевская» гипертекстуальность сочетается в «Петербурге» с интертекстуальностью иного рода. Как уже отмечено²⁹, роман Белого представляет собой одновременно гипертекст не только «Медного всадника», но и «Анны Карениной» (линия «Аполлон Аполлонович – Анна Петровна – Николай Аполлонович» vs. «Алексей Александрович³⁰ – Анна Аркадьевна – Сережа»).³¹

К этому можно прибавить откровенную гипертекстуальность начальных эпизодов сюжетной линии «Аблеухов-младший – Лихутин – Софья Петровна» по отношению к основной сюжетной линии романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?»: «Лопухов – Кирсанов – Вера Павловна».

Однако в первую очередь роман Андрея Белого представляет собой гибридный гипертекст Достоевского, в котором роль ведущего гипотекста принадлежит «Бесам», а роль второстепенного – «Братьям Карамазовым». В своем романе Белый воспроизводит двоякую критическую направленность «Бесов»: с одной стороны, против бездарного губернаторского управления, а с другой – против «мошенников», рдящихся в социалисты.

Аналогичным образом в «Петербурге», по одну сторону баррикад – отчасти стилизованный под К.Н. Победоносцева сенатор Аблеухов-старший,³² а по другую – череда «предателей» и «нищанцев», римфмующихся с Верховенским-младшим и Ставрогиным: Липпанченко, Дудкин, Аблеухов-младший.

Гипертекстуальность же по отношению к «Братьям Карамазовым» связана в «Петербурге» лишь с намерением Аблеухова-младшего отцеубийства и с ночными беседами Дудкина с Шишнарфэ. Так что она имеет куда меньший удельный вес.

Тем не менее как та, так и другая гипертекстуальность романа Белого по отношению к романам Достоевского представляет собой настолько конструктивную его черту, что вне ее он не может быть воспринят адекватно.

При этом, с одной стороны, Белый «переступил грань, к которой подошел Достоевский. <...> ...как бы глубоко ни заходили в своих прозрениях и намерениях герои Достоевского, они действуют *в условиях, соответствующих их социальным характеристикам и породившей их исторической эпохе*. Герои

²⁸ См.: Достоевский Ф.М. Бесы. Роман в трех частях. «Бесы»: Антология русской критики. М.: Согласие, 1996. 743 с. [11].

²⁹ См., например: Долгополов Л. Андрей Белый и его роман «Петербург». С. 260.

³⁰ Имя героя «Аполлон Аполлонович» образовано по тому же принципу, что и имя героя «Петербургга». При этом анафоричность имени-отчества толстовского героя в именовании героя Белого доведена до полной редупликации первого во втором.

³¹ По-видимому, только с учетом этого можно в полной мере оценить ономастикон «Петербургга». Так, если жену Аполлона Аполлоновича, как и жену Алексея Александровича Каренина, зовут Анна, то Варвара Евграфовна у Белого, отдаленно напоминая Варвару Ардальоновну Иволгину – отзвук ономастикона романов Достоевского.

³² В этом смысле фамилия Аблеухов кажется отчасти происходящей и от фамилии губернатора в «Бесах» – Лембке.

же Белого, как на качелях, пребывают постоянно *на грани быта и бытия, в многомерном измерении, в истории и праистории одновременно, на земле и в космических просторах*, куда устремляется дух, покидая на время непрочную оболочку тела»³³.

С другой стороны, автор «Петербурга» выходит и за пределы христианского искусства, к которому, при всех оговорках о его неортодоксальности у Достоевского, безусловно, относятся «Бесы». Так, С.Н. Булгаков отмечал, что «в современной литературе есть писатель, который в художественном постижении именно медиумичности души приближается к Достоевскому, это – Андрей Белый. В “Серебряном Голубе”, а равно и в “Петербурге” с огромной силой и с поразительным ясновидением изображено это медиумическое состояние души, ее одержимость темными силами из иных “планов” бытия, иных миров. “Петербург” (в пока напечатанных главах) *оказывается как бы прямым продолжением “Бесов”,* и это тем более поразительно, что, очевидно, чуждо преднамеренности» [11, с. 493].

И в то же время в творчестве Белого, по мнению Булгакова, «до сих пор отсутствуют те именно черты творчества Достоевского, которые позволяют признать его романы (не исключая и “Бесов”) “книгою о Христе”...»³⁴.

Однако все эти отличия символистского романа Андрея Белого от реалистических «в высшем смысле» романов «великого пятикнижия» Достоевского явлены самой поэтикой «Петербурга», внутренняя соотнесенность которого с «Бесами» и «Братьями Карамазовыми» образует его существенную и сущностную сторону.

Список литературы

1. Лавров А.В. Достоевский в творческом сознании Андрея Белого (1900-е годы) // Андрей Белый: Проблемы творчества. Статьи. Воспоминания. Публикации. М.: Сов. писатель, 1988. С. 131–150.
2. Пантелей И.В. Художественная функция безобразия в романах «Бесы» Ф.М. Достоевского и «Петербург» А. Белого // Достоевский и современность: материалы IX Междунар. Старорусских чтений 1994. Новгород, 1995. С. 154–160.
3. Иванов-Разумник Р.В. Вершины. Александр Блок. Андрей Белый. Пг.: Колос, 1923. 246 с.
4. Долгополов Л. Андрей Белый и его роман «Петербург». Л.: Сов. писатель. Ленингр. отделение, 1988. 415 с.
5. Белый А. Петербург. Роман в восьми главах с прологом и эпилогом. 2-е изд., испр. и доп. / подгот. Л.К. Долгополов. СПб.: Наука, 2004. 699 с.
6. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
7. Силард Е. От «Бесов» Достоевского к «Петербургу» Андрея Белого. Структура повествования // Studia Russica. IV. Будапешт, 1981. С. 71–77.
8. Волынский А. Достоевский. СПб.: Академический проект, Изд-во ДНК, 2007. 463 с.
9. Белый А. Между двух революций. М.: Худож. лит., 1990. 669 с.

³³ См.: Долгополов Л. Андрей Белый и его роман «Петербург». С. 250.

³⁴ См.: Достоевский Ф.М. Бесы. Роман в трех частях. «Бесы»: Антология русской критики. С. 493.

10. Сологуб Ф.К. Тяжелые сны: Роман. Рассказы / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. М. Павловой. Л.: Худож. лит., 1990. 410 с.

11. Достоевский Ф.М. Бесы. Роман в трех частях. «Бесы»: Антология русской критики. М.: Сogласие, 1996. 743 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t.* [Complete Works in 30 vol.]. Leningrad: Nauka, 1972–1990.

Individual Works

2. Belyy, A. *Mezhdru dvukh revolyutsiy* [Between two revolutions]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1990. 669 p.

3. Belyy, A. *Peterburg. Roman v vos'mi glavakh s prologom i epilogom* [Novel in 8 chapters with Prologue and Epilogue]. Saint-Petersburg: Nauka, 2004. 699 p.

4. Sologub, F.K. *Tyazhelye sny: Roman. Rasskazy* [Hard dreams. A novel. The stories]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1990. 410 p.

(Articles from Scientific Journals)

5. Silard, E. Ot «Besov» Dostoevskogo k «Peterburgu» Andrey Belogo. Struktura povestvovaniya [From Dostoevsky's "The Demons" to "Peterburg" by Andrey Belyi. The narrative structure], in *Studia Russica*, IY. Budapest, 1981, pp. 71–77.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

6. Dostoevskiy, F.M. *Besy. Roman v trekh chastyakh. «Besy»: Antologiya russkoy kritiki* [The Demons. A novel in 3 parts. "The Demons". Anthology of Russian criticism]. Moscow: Soglasie, 1996. 743 p.

7. Lavrov, A.V. Dostoevskiy v tvorcheskoy soznaniy Andrey Belogo (1900-e gody) [Dostoevsky in Andrey Belyi's the writer's consciousness (1900th years)], in *Andrey Belyi: Problemy tvorchestva. Stat'i. Vospominaniya. Publikatsii* [Andrey Bely: Problems of creative work. Articles. Memoirs. Publications]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1988, pp. 131–150.

8. Panteley, I.V. Khudozhestvennaya funktsiya bezobraziya v romanakh «Besy» F.M. Dostoevskogo i «Peterburg» A. Belogo [The function of ugliness in Dostoevsky's novel "The Demons" and A. Belyi's novel "Peterburg"], in *Dostoevskiy i sovremennost': materialy IX Mezhdunarodnykh Starorusskikh chteniy 1994*. Novgorod, 1995, pp. 154–160.

(Monographs)

9. Dolgopopolov, L. *Andrey Belyi i ego roman «Peterburg»* [Andrey Belyi and his novel "Peterburg"]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. Leningradskoye otdelenie, 1988. 415 p.

10. Ivanov-Razumnik, R.V. *Vershiny. Aleksandr Blok. Andrey Belyi* [Tops. Alexander Blok. Andrey Belyi]. Petrograd: Kolos, 1923. 246 p.

11. Volynskiy, A. *Dostoevskiy*. Saint-Petersburg: Akademicheskoy proekt, Izdatel'stvo DNK, 2007. 463 p.